

«НЕДЕЛЯ» № 8 (1404). 1987 г.

«Подвиг, облечённый в слово»

пушкинский год

Первое, что сразу же видишь, входя в эту комнату редакции журнала «Вопросы литературы», — огромная хронологическая таблица творчества Пушкина. Расписанные по годам, значатся в ней все его произведения — от «Евгения Онегина» и «Капитанской дочки» до набросков и неосуществленных замыслов. Здесь мы встретились с В. С. Непомящим. Имя этого исследователя хорошо известно тем, кому дорог Пушкин. Живая манера повествования, нестандартный подход к теме снискали его работам популярность у читателей.

— Валентин Семенович, расскажите, пожалуйста, что вам в Пушкине кажется менее всего раскрытым, какие проблемы — самыми насущными?

— Вспоминается один эпизод почти двадцатилетней давности. Мне, тогда еще молодому пушкинисту, случилось присутствовать на Пушкинской конференции в Ленинграде. Речь шла о так называемой «проблеме сценичности» пушкинских произведений. Мне эта проблема и тогда казалась искусственной, и я был рад, когда услышал слова В. Б. Шкловского: «Прежде чем что-либо снимать или ставить — пойми, что человек хотел сказать!» До чего же просто и верно! В самом деле, всегда ли мы понимаем, «что человек хотел сказать»? Ох, нет. Наоборот, принято считать, что в Пушкине для нас все уже ясно со школьных времен. Вот она, причина того, что многие люди больше интересуются пикантными подробностями биографии, чем творчеством Пушкина. Не хотят знать или уверены, что и так знают его. Пушкинист О. С. Муравьева как-то посетовала в разговоре со мной: «Попробуйте-ка, например, объявить две лекции: «Художественный мир «Евгения Онегина» и «Новые факты из личной жизни Пушкина» — можно не сомневаться, какая из них соберет больше народа».

— Да, это, к сожалению, так...

— Так-то оно так, но все же мне кажется, что дело далеко не безнадежно. Однажды я рассказывал о «Борисе Годунове» в одном из Домов культуры. Зал был заполнен на одну треть, но, как ни странно, за два с половиной часа никто не ушел. И вовсе не потому, что я такой уж выдающийся лектор. Просто я пытался рассматривать трагедию с точки зрения общечеловеческих ценностей, увидеть в ней то, что близко нам всем. Никогда не забуду горящие глаза людей, которым я рассказывал о пушкинском понимании истории и жизни... И вот поэтому думаю, что в равнодушии отношении к Пушкину во многом виноваты и мы, пушкиноведы. Мы ведь все больше разговариваем о специальных филологических проблемах, а не о том, что «жжет сердца людей».

— В чем же, по-вашему, заключается причина такого положения вещей в пушкиноведении?

— Я думаю, это связано с особенностями его развития. Исторически сложилось так, что на протяжении многих лет наука занималась главным образом не самими произведениями Пушкина, а обстоятельствами их создания, источниками и другими тому подобными предметами. Разумеется, это жизненно важно. Необходимо было создать твердую фактологическую основу для исследований. Мы бесконечно обязаны поколениям ученых, совершивших этот, скажу без преувеличения, подвиг. Только благодаря их усилиям и стал возможен тот новый этап в пушкиноведении, который начинается сейчас. Я говорю об изучении самих произведений Пушкина, о постижении их философского, нравственного и духовного смысла. Мы должны в конце концов ответить на вопрос: зачем нам Пушкин сегодня? И вот когда мы на него ответим, то, уверен, станет ясно: более современного писателя в русской литературе не найти.

Пушкин, конечно же, современен всегда, поскольку он говорит о вещах неустаревающих, и с годами это раскрывается все с большей глубиной и полнотой. И, знаете, лично у меня порой бывает ощущение, что писал Пушкин именно для нашего столетия. Он видел то, о чем современники даже и не догадывались, а мы сейчас своим собственным страшным опытом убеждаемся в его пророческой правоте. Возьмите все главные произведения Пушкина — ситуации их катастрофичны, а это так созвучно нашему сегодняшнему мировосприятию. В «Евгении

Онегине» — какой драматизм человеческих отношений! «Борис Годунов» — какая масштабность в осмыслении истории! Не говорю уже о «Медном всаднике», где пафос поистине апокалипсический. Или «Сказка о рыбаке и рыбке»... В наши дни, кстати, очень много говорят об экологии. Люди начинают понимать, что мир не есть какое-то хаотическое, случайное образование, что это стройная, внутренне уравновешенная, гармоническая структура. А в любой структуре, как известно, есть своя иерархия, то есть система главенства и подчинения, определенный порядок, определенное соотношение более важного и второстепенного. И вот когда мы это соотношение нарушаем по нашему собственному произволу, когда подменяем вечное — временным, истину — своими сиюминутными интересами, происходит бедствие не только в природе, но и внутри нас.

В девятнадцатом веке, безоглядно верившем в прогресс, о многих опасностях и не подозревали. Пушкин же благодаря своему пророческому дару предвидел появление тех разрушительных сил, которые вырвутся на свободу в нашем столетии... Что такое Старуха с ее желанием «быть владыцей морскою» и вообще получать, не отдавая, как не образ человечества, слишком много о себе возмнившего, которое сейчас как никогда рискует остаться у разбитого корыта. Недаром же в черновиках «Сказки...» упоминается Вавилонская башня — символ бездуховного прогресса.

— Валентин Семенович, вот вы сейчас говорили о пророческом даре Пушкина, и мне вдруг вспомнились слова, сказанные когда-то Чаадаевым, что неверно представление о пророках только как о прорицателях, они прежде всего учителя нравственности...

— Именно так! В творчестве Пушкина есть целое учение о совести, рассеянное по всем его произведениям. О чем, как не

о ней, сказано, например, в «Пророке»? «Глаголом жги сердца людей» — это ведь и значит: пробуждай в людях совесть. Притом речь здесь идет не о каких-то индивидуальных проявлениях порядочности, а о главном условии всеобщей духовной жизни. «Со-весть» означает «совместное ведение» истин, делающих человека человеком, а отпадение от этого знания приводит к гибели. Это одна из важнейших тем пушкинской поэзии. Собственно, с нее-то и начинался зрелый Пушкин в «Борисе Годунове». Здесь нравственные вопросы решаются уже в масштабах истории, которая, как известно, не прощает людям и малейшей неправды; в истории — как и в повседневности — что посеешь, то и пожнешь. Начинается с ветха, а кончается бурей. И знаете, в чем заключается сила пушкинского слова? Пушкин не талдычит, не назидает, он как художник исследует ситуацию — почему так случилось, что люди предпочли ложь? Почему, к примеру, в «маленьких трагедиях» Сальери считает себя вправе отравить Моцарта? Почему сокрушает его не совершенное им убийство, а — как бы вы думали? — ужасная мысль о том, что Микеланджело, возможно, не был убийцей? Для меня «маленькие трагедии» — как бы истории болезни человечества, которое поставило себя выше истины.

Хочется еще несколько слов сказать и о «Евгении Онегине». Все мы привыкли к известному определению: «энциклопедия русской жизни». Определение хорошее, но, думаю, мне, не совсем полное. Что такое энциклопедия? Каталог знаний о различных предметах на каком-то конкретном временном этапе. Безусловно, в романе есть энциклопедическая полнота сведений о русской жизни, но ведь этим он не исчерпывается!

Энциклопедии рано или поздно устаревают, а вот «Евгений Онегин» живет. Почему? Да потому, что главный его вопрос и сегодня стоит перед нами. Это во-

прос о человеке, о его сущности. Начиная с XVIII столетия он решался в России с точки зрения рационалистического учения: как говорил Дидро, «человек — животное, которое рассуждает». Картина мира, созданная Пушкиным в его романе, — это художественный спор с подобной философией. Человек — существо не только природного, но и духовного порядка. Вот чем объясняется и характер Татьяны, и тем более ее поступок в конце восьмой главы. В ее разрыве с Онегиным я вижу не проблему долга и чувства, как мы привыкли думать, а проблему естества и духа, если хотите. Мне кажется, в «Евгении Онегине» воплощен тот взгляд на человека, который соответствует народному идеалу.

— А чем вызвано к жизни такое явление, как «народное пушкиноведение», о котором вы писали в книге «Поэзия и судьба»?

— Ох, и достается же мне за это «народное пушкиноведение»! Говорят, будто я хочу протолкнуть дилетантов в профессиональную сферу. А между тем я имел в виду вовсе не тех бесчисленных коллекционеров, любителей, которых, кстати, глубоко уважаю, и уж подавно не тех, кто приносит в редакции свои самодельные описи о Пушкине. Я говорил о людях, не получивших филологического образования, но обладающих ясным умом, пылкостью и, главное, чуткостью сердечного постижения. Кстати, некоторые из видных пушкинистов вышли из рядов таких «любителей». Родился же «народное пушкиноведение» из неодолимой потребности обрести в художественном слове последнюю правду о мире и человеке. И где-то в глубине люди всегда чувствовали, что именно в Пушкине все это есть. Ведь в России искусство занимает особое место и оценивается по своей духовной значимости. Если на Западе художник прежде всего творец красоты, то у нас он — учитель, пророк, глашатай «вечных истин, на которых основаны счастье и величие человеческого», говоря пушкинскими словами. И в этом смысле вся русская литература унаследовала традицию Пушкина.

Интервью взял Г. ЗОБИН.

НАРОДНЫЙ ПАМЯТНИК

Пожелтевшая от времени фотография. Смотрят с нее добрые, приветливые люди. Праздничные наряды женщин, мужчин и детей — несомненное свидетельство какого-то торжества. В четыре ряда расположились они полукругом у постаментов, на котором возвышается в человеческий рост белокаменная фигура со столь знакомыми чертами. Пушкин! Поэт изображен вдохновенно записывающим в тетрадь стихи.

Безвестный фотограф не оставил никаких свидетельств, в каком именно году сделан этот снимок. Подпись «Памятник»

А. С. Пушкину в с. Заболотовцах, Жидачевского повята» свидетельствует, что съемка произведена в начале века.

Монумент воздвигнут в 1907 году в память 70-летия гибели поэта. Средства на сооружение памятника жители Заболотовцев и окрестных сел собирали всем миром. Крестьяне вносили кто сколько мог и что мог — деньги, вещи, продукты. Когда необходимая сумма была собрана, обратились к каменотесам села Демья (кстати, и сейчас оно славится своими резчиками по камню) с просьбой изготовить постамент и

скульптуру. Заказ этот выполняли лучшие народные умельцы под руководством мастера Дзындыры. Ни имени, ни отчества этого, несомненно, талантливой скульптора-самоучки, который добился большого портретного сходства поэта, время не сохранило.

Памятник А. С. Пушкину высотой три метра был установлен в селе Заболотовцы у «Народного Дома» — местного просветительского центра общины русофилов, заботившегося в годы Австро-Венгерской империи о сохранении славянской культуры и письменности в ус-

ловиях национального гнета в Прикарпатском крае. В день открытия монумента в селе состоялись торжества, в которых приняли участие многочисленные гости. Песни на слова А. С. Пушкина исполнял сельский хор в сопровождении самодеятельного оркестра. Местный театральный кружок поставил несколько инсценировок по произведениям поэта.

Почему именно в этом селе? Местное объединение русофилов было одним из самых многочисленных в Прикарпатье. Его хор, оркестр, театральный кружок не раз выступали не только в окрестных селах, но и в городах Львов, Дрогобыч, Рогатин, Стрый. Заболотовские русофилы даже добились избрания своего представителя — священника села Бережница Корнелия Сеньки депутатом краевого сейма. По его инициативе «русский клуб» сейма и принял решение о сборе средств на памятник.

Собирать на памятник пришлось немалые по тем временам средства — свыше 50 тысяч крейцеров. Надо было не только оплатить работу скульптора, но и приобрести специальный земельный участок. Австро-венгерские власти с самого начала неодобрительно отнеслись к идее местных крестьян увековечить память русского поэта, за претив под страхом тюремного заключения ставить монумент на чьем-

либо земельном наделе. Назревала первая мировая война. В Прикарпатье усиливался национальный гнет. Тысячи тех, кто мечтал о воссоединении с украинскими и русскими братьями, были интернированы в концлагеря в Австрии. Жестокое репрессии обрушились и на жителей Заболотовцев, окрестных сел. Многие были вывезены в концлагерь и там погибли.

Расправились австро-венгерские националисты и с памятником А. С. Пушкину. По свидетельству очевидцев, как только началась война между Австро-Венгрией и Россией, ночью жандармы взорвали постамент, а вдохновенную фигуру поэта потащили конями волоком к реке Стрый и там утопили...

Не одно лихолетье пронеслось над Заболотовцами. Но никакие невзгоды не заставили местных жителей забыть о гражданском подвиге своих земляков. Сельчане собирали и сберегли то, что осталось от памятника А. С. Пушкину и сейчас ходатайствуют о его восстановлении. Свято чтут и место, где он стоял. По-прежнему шумят здесь кронами повзрослевшие за прошедшие десятилетия карпатские ели и подмосковные березы, посаженные у монумента в день его открытия, — как символ нерушимого братства русского и украинского народов.

А. АВРОШКО.

Львовская область.

